

ПЕВЕЦ ГРЯДУЩЕГО

К 100-летию со дня рождения Ф. В. Gladkova

Исполняется сто лет со дня рождения выдающегося советского писателя Федора Васильевича Gladkova. Прославленный ветеран литературы, признанный мастер художественного слова собирает нас сегодня на праздник литературы, а сказать точнее — на смотр, потому что юбиляр любил не праздники, а работу. Именно работа была для него праздником, радостью бытия. И мы, среднее и младшее поколения советских писателей, его последователи и ученики, вместе с многомиллионной армией читателей, приходим к нему, как к строгому отцу на поклон и отчет.

В истории нашей страны 20-е и 30-е годы были эпохой бурного роста советской литературы. Революция выдвинула из народной среды целую плеяду ярких, смелых талантов. В. Маяковский, Д. Фурманов, А. Серафимович, М. Шолохов, А. Новиков-Прибой, Н. Ляшко и славный их современник Федор Васильевич Gladkov — вот имена, которые, по словам Луначарского, явились во главе с М. Горьким «великими основателями пролетарской литературы».

Вспоминается время организованных и стихийных массово-литературных чтений. Мы, рабочая молодежь Донбасса, на своих собраниях включали в повестку дня обязательный пункт — обсуждение романов «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Железный поток» А. Серафимовича, «Цемент» Ф. Gladkova. Теперь, когда время многое прояснило, я бы назвал те коллективные чтения университетами коммунистического образования. В горячих спорах о литературе, о героях наших дней формировались наши коммунистические убеждения. Позднее роман «Цемент» был включен в учебные программы рабфаков и вузов, он цементировал нашу дружбу, укреплял волю в строительстве новой жизни.

Романы «Цемент» и «Энергия» были новым словом не только в советской, но и в мировой литературе. Они впервые и навеки открывали и утверждали тему труда, отражали светлый мир, родившийся на обломках царской России. Герои этих романов явились невиданными на земле новыми людьми, передовыми людьми человечества. Мы, рабочая молодежь, всем сердцем принимали книги Gladkova, гордились своим родством с Глебом Чумаловым и Дашей — главными героями романа «Цемент», узнавали в них себя, огорчались неудачами любимых героев, радовались их победам. Жизнь целых поколений советских людей прошла через строгую, честную и, я бы сказал, партийную школу произведений Gladkova.

Навсегда останутся в сердце личные встречи. Одна из них произошла вскоре после войны в небольшом скверике писательского дома в Лаврушинском переулке. Была ранняя весна, еще ледок похрустывал под ногами, а со стороны Москвы-реки тянуло сырой прохладой. Я пришел навестить больного писателя Николая Николаевича Ляшко, одного из организаторов первого в стране объединения пролетарских писателей «Кузница». В середине дня мы вышли на короткую прогулку и встретили Федора Васильевича. Опираясь на палку, он задумчиво прохаживался по жиденькой аллее прилегающего к дому сквера. Увидев Ляшко, он первый пошел навстречу, протягивая руку старому другу. «Рад видеть тебя, Николай Николаевич... Давай погуляем вместе, поговорим, вспомним юность».

Из-за угла дома показался поэт Василий Казин. Gladkov увидел его и воскликнул: «Смотри, еще один «кузнец» появился. — И он в шутиловском тоне обратился к Ляшко: — Можем открывать заседание «Кузницы» или подождем, когда подойдут Артем Веселый, незабвенные Алексей Силыч и Александр Серафимович?». — И, погрузившись, добавил: — «Увы, не дождемся, ушли навсегда славные «кузнецы» и лишь оставили нам неуязвимые розы своих произведений... Ты ведь знаешь, как на Урале искусники-кузнецы могли выковать розу из железа с тончайшими, чуть ли не прозрачными лепестками. Я видел эти чудо-творения рабочих рук. И наши «кузнецы» были великими мастерами, тоже умели ковать пре-

красные розы из живых слов... Ах, «кузнецы», молодость наша. Сколько же времени прошло? — говорил Gladkov с грустной улыбкой и тенью печали в глазах. — Какое нынче тысячелетие на дворе? Василий Васильевич, ты поэт и должен знать».

В ту пору мне сильно повезло, что я присутствовал при встрече прославленных ветеранов советской литературы. Среди них я был «юным кузнецом», как меня окрестил Федор Васильевич. Я внимал их разговорам, жадно впитывал мудрость их опыта. Мы, молодые, особенно нуждались тогда в подобных уроках.

Вспоминая прошлое, старики словно молодели. Прохаживаясь, Gladkov порывисто останавливался. Гневно стучал палкой в землю, словно негодовал или отвергал что-то. Со свойственной ему пылкой энергией он перекидывал мостик от одной темы к другой. Начал он с того, что сегодня ему трудно писалось. «Вот прожил жизнь, а кажется, только и делал, что учился писать. И до сих пор не знаю — научился ли?»

Памятная встреча происходила в тот год, когда признанный мастер литературы Gladkov, казалось, завершал великое дело всей своей жизни — дело общественного служения народу и партии. Но именно тогда он обнаружил могучий прилив свежих творческих сил, задумав трилогию о прожитом и пережитом. Он обратился к материалу биографии, к трудному своему детству, оставшемуся в дореволюционных годах.

Три книги — «Повесть о детстве», «Вольница» и «Лихая година» явились поистине взлетом молодости в творческой судьбе Ф. Gladkova. И не случайно критика единодушно отмечала мастерство, с которым написаны эти лирические, исполненные жизненной и философской глубины книги.

Но стоило писателю заговорить о своей трилогии, как в голосе его появились странная стеснительность, какая-то неуверенность. «Ты мне скажи, голубчик, — спрашивал Gladkov у старого друга Ляшко, — скажи, читают нас с тобой? Мне все кажется, что нас забывают, что мы уже никому не нужны с нашими писаниями... Но как же нас могут забыть, если мы пишем о будущем... Меня упрекают — зачем вернулся в прошлое, в забытые царские времена? А я считаю свои повести современными. Ведь прошлое — это корни, а без корней дерево расти не может... Мне кажется, что многие ошибки молодежи как раз и происходят оттого, что они плохо представляют себе прошлое. Мне хотелось по-отечески рассказать, как нам, людям старшего поколения, приходилось испытывать на себе всю тяжесть и несправедливости капиталистического общества. Хотелось рассказать молодежи, как мы, выходцы из народных низов, переносили голод и холод, как лучшие сыны народа вставали в ряды борцов с врагами трудящихся масс, смело шли против царя и капиталистов, умирали под пулями жандармов с верой в то, что близится день свободы... Нет, нет, без знания прошлого нельзя понять сегодняшний день. Мы пишем о прошлом в интересах настоящего. Произведение современно лишь тогда, когда обращено в грядущее, когда утверждает принципы коммунистической нови».

Художник, патриот и коммунист Ф. В. Gladkov черпал вдохновение из неиссякаемого источника жизни родного народа, поэтому его творчество будет всегда современным, ибо оно принадлежит будущему.

Передовые советские люди читали, читают и будут читать прекрасные романы и повести Федора Васильевича Gladkova. В его книгах мы находим великие мысли о жизни, любви, а молодежь всегда найдет в них ответ на вечно волнующие вопросы — как жить, у кого учиться, под чьими знаменами идти вперед.

Читая его книги, мы не возвращаемся в прошлое, а припадаем к вечно живому источнику, чтобы обрести силы для борьбы и труда во имя светлых идеалов коммунизма.

Леонид ЖАРИКОВ.